

ГЛАВА ПЕРВАЯ

По дороге к остановке, не доходя до старого тополя, Айнур замедлила шаг. В развилке угнездилась ворона, похожая на горелую горбушку. Завидев ее, горбушка разинула клюв и издала звук, напоминавший кашель курильщика.

Ворона кашляла на нее сверху каждое утро. То ли приветствовала, то ли глумилась. Но даже если глумилась — это было единственное приятное впечатление по пути на работу.

Двенадцать трамвайных остановок. Подходя к проезжей части, Айнур собиралась с духом, как воин перед сражением, а если без патетики — как пациент перед отвратительной процедурой вроде глотания кишки.

Лица. Запахи. Голоса. Пуговицы, рюкзаки, бороды, очки, фиолетовые пряди, брошки, телефоны, пальцы, обхватившие поручень, кольца на пальцах, — все это разом выстреливало в Айнур, словно липкое конфетти, и счистить эти мелкие впечатления было невозможно. На нее обрушивался хаос.

Обычно она старалась забиться на заднюю площадку. Музыка в наушниках не помогала. Только очень беззаботные люди могут позволить себе не контролировать, как звучит окружающее пространство.

Так что Айнур поворачивалась боком, смотрела в окно. Рельсы — это гармоничное. Параллельные, и цвет такой хороший, ровный. На нее то накатывали, то откатывались назад волны пассажиров. Как же все они пахнут...

Сегодня трамвай был полупустой, и Айнур обрадовалась. Кроме нее на задней площадке теснилась только

компания мальчишек — в раздутых, словно подкачанных воздухом, спортивных куртках. Она и половины не понимала из их трескотни.

Когда мальчишки вышли, стало тихо. Айнур облегченно закрыла глаза, впитывая перестук колес по рельсам. Ритмичный звук, хороший. Лучше — только в поездах. В рюкзаке у нее лежала коробочка с отборными крупными ягодами клубники. Прохор обрадуется...

Кто-то положил ладонь на ее ягодицу.

Айнур вздрогнула и обернулась. Лысый приземистый мужик с блудливой улыбочкой лапал ее с полным чувством собственной правоты и понимания, что деваться ей некуда.

Что-то было в Айнур такое, что позволяло этому мужику и ему подобным безбоязненно распускать руки. Как-то они угадывали, что она не поднимет крик, не обматерит на весь вагон, не вцепится в рожу.

— Чернявенькая, — всё с той же улыбочкой сказал он. — Жопа-то у тебя кобылья.

Вонь перегара. Дешевая клетчатая рубашка, рукава засучены до локтя. Что это у него, татуировка на локтевом сгибе? Айнур опустила взгляд, рассматривая его ботинки.

Мужик осклабился еще шире:

— Скромница? Татарки обычно шалавы. У меня соседка татарка. Со всеми готова... — Он прибавил несколько слов, но Айнур не слушала, она изучала бежевые шнурки в его стоптанных ботинках: один из шнурков на конце был покрашен в кислотно-розовый цвет.

Девушка подняла на лысого глаза.

— А ты не боишься, что к твоей дочке однажды пристанет такой же, как ты? — медленно спросила она. — Какая-нибудь сволочь ее за задницу будет хватать. Обрадуешься этому? — В речи ее прорезался акцент. — Пока она у тебя маленькая совсем. Но скоро уже в школу пойдет. Будет одна ходить, на бабушку-то надежды нет. И подвернется ей однажды похожий на тебя.

Мужик отдернул руку, как от раскаленной конфорки. В глазах мелькнул страх, помноженный на недоумение.

— Ссука, ты как...

— Думаешь, сможешь защитить свою Машеньку? — Айнур покачала головой. — Детку свою золотую! Не-ет, не получится! — нараспев пообещала она. — Всё, что ты делаешь со мной, к ней вернется. Ты сам это выбрал. Когда руки свои поганые ко мне протянул, тогда и выбрал.

Она скорее почувствовала, чем увидела, что пальцы его сжались в кулак.

— Давай, лицо мне разбей, — предложила Айнур, нехорошо улыбнувшись. — Подрастет твоя Маша — и ей разобьют.

— Ты... тварь... откуда знаешь про Машу?!

— Я ведьма, — сухо сказала Айнур. — Я всё знаю.

Он попятился, не отводя от нее затравленного взгляда, налетел на спинку сиденья и вывалился из трамвая, расталкивая пассажиров.

Она вышла на остановке. Утренний сквер пах сиренью, сверкало солнце в окнах, рыжий щенок резвился на траве, и девочка, его хозяйка, смеялась и бросала ему вместо палочки большую шишку... Айнур всё замечала, но ни на что не отзывалась. Хотелось окунуться в бочку с хлоркой. Из сквера она свернула в переулок, обогнула старую церковь, перед которой нищенка рассаживалась, подбирая юбки, и наконец оказалась перед светло-желтым зданием с барельефом в виде растительного орнамента и балконами с выгнутыми коваными решетками, изящными, как арфы.

Айнур набрала код, вошла в подъезд, поздоровалась с консьержем и поднялась на пятый этаж. Открыла дверь своим ключом и сказала без всякого акцента:

— Здравствуйте, Михаил Степанович!

— Вер-р-ртихвостка! — хрипло выкрикнули откуда-то.

— Доброе утро, Айнур! — донеслось из комнаты. — Дай Прохору оплеуху и проходи сюда. Только захвати зажигалку.

— А где она?

— В кухне, на полочке.

Айнур помыла руки и заглянула в небольшую комнату, где по жердочке в клетке ходил великолепный, как

гладиолус, красно-синий попугай. При виде девушки он отчаянно закивал и вскинул когтистую лапу, словно собираясь поклясться перед судом.

— Пр-р-роша мерррррзавец, — с явным удовольствием извещил он.

Она протянула ему ягоду клубники. Прохор заворковал, как голубь, и нежно сказал:

— Пр-р-роститутка!

Айнур отыскала зажигалку и прошла в гостиную.

Михаил Степанович Гройс развалился в любимом кресле у окна с видом на церковь. Увидев Айнур, поднялся — как всегда, галантный. Одна рука заведена за спину.

— Сделай милость, дай огоньку.

Айнур щелкнула колесиком. Старикан вытащил из-за спины правую руку, сжимавшую длинную палочку. На конце ее было нечто вроде самодельного фитиля. Он неторопливо поднес палочку к пламени, и фитиль вспыхнул. Гройс отступил на шаг, провел левой рукой, в которой оказался ярко-синий платок; платок взмахнул шелковыми крыльями и тут же опал, а палочка на глазах Айнура преобразилась: там, где мгновение назад бился огонек, распустила атласные лепестки искусственная роза.

— Прошу! — Гройс поднес розу Айнур.

— Очень красиво! — с чувством сказала она. — Но как?..

— Э, нет-нет-нет! Тайну фокуса раскрывать нельзя. Между прочим, я и этот цветок тебе не отдам. Для тебя — другой.

Слетел вниз синий платок, и под ним оказалась живая роза: на коротком стебле, но с пышным алым бутонем.

— Спасибо!

Айнур пошла к шкафу, где стояли разнокалиберные вазы. Участливый голос Гройса догнал ее на полпути:

— Что случилось, дорогая?

Есть такие рыбки, прозрачные, у которых и позвоночник видно, и каждую косточку... Айнур рядом с Гройсом ощущала себя именно такой рыбкой.

— Ну вот с чего вы взяли... — традиционно начала она, сердясь и на себя, и на него.

— Я же не слепой, — так же традиционно ответил Михаил Степанович.

— Мужчина в трамвае руки распускал. Ничего особенного. Я справилась.

Гройс выжидательно молчал, и пришлось всё рассказать.

— Совершенно необходима расшифровка, — сказал Гройс, когда Айнур закончила.

— Один шнурок розовый, — начала объяснять она. — Это означает, что кто-то этот шнурок раскрасил, а он не успел поменять, потому что опаздывал на работу. Розовый фломастер, ребенок разрисовывает папе шнурки — скорее всего, это девочка. Маленькая, дошкольница. Школьница уже понимает, что вещи нельзя портить. Значит, года четыре.

— Убедительно, — согласился Гройс.

— Потом я посмотрела на его руки и поняла, что точно девочка. У него рукава закатаны и на сгибе локтя наклеен цветочек. Такие наклейки сейчас в каждом ларьке продаются. У них середина белая, а лепестки разноцветные. Раз он не снял наклейку, значит, дочку обожает. В середине цветка была накарябана буква М. Детским почерком выведено. Что может написать совсем маленькая девочка? Первую букву своего имени. Мужчина такого типа не станет называть дочь Миленой, Мирославой или Мартой. Четыре года назад самыми популярными именами были Настя, Даша, Елизавета и Мария. Он мог выбрать и Марину, но я предположила, что Маша — вероятнее. Так и оказалось.

Гройс издал невнятное восклицание.

— Хорошо, а про бабушку?

— Что про бабушку?

— Которая не станет отводить внучку в школу!

— А-а... Он же гад тошнотный. Кто его будет терпеть, кроме собственной жены?

Старик рассмеялся:

— Как раз такую мерзость их родные мамы, как правило, обожают! Ты попала в точку случайно.

— Но попала же, — возразила Айнур. — С какой комнаты начать, Михаил Степанович?

— На твое усмотрение. — И добавил ей вслед: — Крепко ты его напугала, молодец. Единственную болевую точку нашла и ткнула со всей силы. Чрезвычайно эффективно! Но каков тип: нежный любящий отец — а в остальном скот скотом. Удивительное создание человек. И противное.

Айнур начала с ванной. Ей нужно было успокоиться, а здесь в шкафу на полках были выстроены увесистые бутылки с длинными клювами и распылителями, лежали стопки ее специальных тряпочек и мочалок, каждая для своего типа покрытия: всё выстроено по системе, всё понятно, удобно; упорядоченно.

Когда она добралась до гостиной, Гройс свернул газету и отложил в сторону.

— В очередной раз предлагаю: оставайся здесь. И не закатывай, пожалуйста, глаза. Я всё вижу! У тебя есть своя комната, мне твоя компания только в радость. Помимо прочего, позволю заметить, что ты сэкономишь на съеме. Широко жить, безусловно, не запретишь, но не думаю, что эти деньги будут тебе лишними.

— Не могу я, Михаил Степанович, — умоляюще сказала Айнур.

У Гройса в комнатах — картины, вазы, цветы, статуэтки, пластинки, книги. Поют тоненькими голосами, и даже красиво поют, но выносить этот хор ежедневно круглые сутки... В ее съемном скворечнике белые стены, койка под синим пледом, стул и узкий, как лодка, шкаф. Даже стола нет, завтракает Айнур у подоконника с видом на пустырь. Пустая комната без единого воспоминания. А у Гройса вся квартира — это память, и память живая, говорящая.

— Драматизма в голосе не нужно, я на свой счет твой отказ не принимаю. Знаешь, есть у меня один знакомый. Он живет в комнате, чрезвычайно похожей на твою. Досталась после развода, в ходе которого жена отобрала у него квартиру, в порядке компенсации оставив ему восьмилетнего сына. Занятный человек, м-да... Совер-

шенный аскет. Бывший экономист, который решил, что зарабатывает недостаточно для содержания сына, и стал, вообрази, дворецким. Каков финт! Из экономистов — в мажордомы!

— В Англии?

— На Рублевке, — сказал Гройс. — Поверь, это намного выгоднее. Не говоря уже о том, что рублевские дворецкие гораздо более английские, чем сами англичане.

Айнур ничего не поняла, но на всякий случай кивнула.

* * *

Слева масло, справа сметана. В молочных рядах всегда толпился народ и пахло сыровато-сладким. Никита Маевский выстоял очередь к «своей» продавщице, купил творог и сверился со списком. Чай, фрукты, пахлава, гранатовый сок, специи, овощи, зелень...

Оставалась только треска.

Рыбы лежали на льду, как кошки на подоконнике. На Маевского одуряюще пахло копченой скумбрией. Золотая, промасленная... Эх, жаль, старику копченое нельзя. Раскинулась, зараза, вызывающе!

Оглядываясь на скумбрию, как на красну девицу, он остановился возле прилавка. Вместо знакомого продавца топтался хмурый бородастый парень.

— Черной трески, пожалуйста, два кило, — попросил Маевский. — А где Амиран?

— Уехал, — равнодушно сказал продавец.

Быстро и небрежно, не глядя на покупателя, он взвесил рыбу, получил несусветные, по меркам Никиты, деньги и нырнул под прилавок. Маевский неспешно двинулся к выходу. Тащить всё это рыбно-творожно-овощное богатство было нелегко. Пакеты еще по ногам бьют, черти. И что-то пихается в коленку острым углом — надо думать, чай. Старикан пакетированный не признает, покупает всегда один и тот же, в больших коробках. Чашки у него под этот чай особые: хрустальные, невысокие, с тонкой талией.

Нет чтоб как русский человек пить из блюдечка, шумно прихлебывая.

На русском человеке Маевский ухмыльнулся.

Рядом шествовала пожилая супружеская пара налегке, за ними помощник продавца нес купленные продукты. Но Никита не мог представить, что за ним, как за белым сахибом, кто-нибудь потащит его груз. Он вывалился из здания, добрал до парковки, вытащил ключ. Мягко, будто зевая, распахнулся багажник.

Он аккуратно расставил покупки, хотел сесть за руль — и вдруг остановился. Порылся в пакетах, развязал один из них, рассмотрел рыбу и задумчиво проговорил:

— Ага. Вот оно что.

После чего вытащил пакет и, не торопясь, вернулся с ним в рыбный ряд.

При виде Маевского продавец не выразил никакой радости. Никита вывалил на лед перед ним свою рыбу.

— Черная треска, — размеренно начал он тоном учителя, объясняющего двоичникам тему, — это и не черная, и не треска. Но тебе об этом хорошо известно и без меня, верно? Ты мне продал обычную треску. Денег взял в пять раз больше.

Продавец развел руками:

— Извини, брат. Сейчас всё поменяем.

— Кальмар тебе брат, — флегматично ответил Никита. — Зови старшего.

— Кого? — рассмеялся тот. — Я здесь старший. Неделю торгую, с утра до вечера, один я здесь.

Секунд десять Маевский внимательно изучал его. А затем широко осклабился:

— Врун — он во всем врун.

— Зачем ругаешься, слушай? Ошибся, бывает. Сейчас все сделаем хорошо.

— Позови старшего, — повторил Никита.

Что-то в выражении его лица подсказало продавцу, что этот настырный парень не отступится. Он пожал плечами и ушел.

Маевский принялся разглядывать рыбу. Вскоре продавец вернулся, ведя за собой веселого черноглазого увальня лет сорока.

— Дорогой, уже знаю, ошибка вышла! — закричал тот издалека, широко распахивая Маевскому объятия, словно собираясь притянуть его к себе через прилавок. — Извини! Всё сделаем, скидка будет, лучший товар будет, извини! Бывает, мальчик рыбу перепутал, название одинаковое, спутать легко!

— Цену тоже спутать легко, — согласился Маевский. — Тысяча — и пять тысяч. Похожи? Похожи!

— Второй день работает! — объяснил увалень. — Не ошибается тот, кто ничего не делает, верно я говорю? Самую свежую рыбу тебе взвешу.

Никита задержал взгляд на его лице. Увалень вновь сокрушенно развел руками и прижал ладонь к сердцу, как если бы свежая рыба хранилась у него за грудиной, и он готов был в любую секунду вскрыть ее для Маевского.

Никита подался к нему.

— Ты это место купил, — негромко сказал он. — Хорошее место, на проходе. Начал с обмана. Очень глупого. За идиотов держишь покупателей. Живешь, как будто один день у тебя. Как будто я сюда не приеду ни через неделю, ни через две.

— Зачем так говоришь, — расстроено воскликнул тот.

— Деньги верни.

Ему без возражений отсчитали купюры.

Когда Никита отошел от прилавка, увалень вслед отчетливо сказал:

— Зря ты так. Хорошая рыба у нас, свежая.

Маевский пожал плечами:

— Рыба, может, и свежая. А вот ты давно протух.

«Вах! Красиво выразился, слушай», — мысленно сказал он себе, перейдя к соседнему продавцу.

— Два кило черной трески, пожалуйста, — вслух попросил он, посмеиваясь.

Айну́р испепелила его взглядом: опоздал на полчаса! Ее помешательство на пунктуальности раздражало. Зачем тебе продукты на кухне ровно к одиннадцати? У тебя что, прямой эфир с участием кинзы и баклажанов?

Но, увидев тушку кролика, Айну́р смягчилась. Разложила розово-белого кроля на доске, рассматривая его с явным удовольствием, нависла над ним — будто хирург над пациентом, приготовленным к операции. Потянула носом, взмахнула разделочным ножом и точным движением отхрюпала мохнатую лапку.

Маевский притулился в углу и стал наблюдать, как Айну́р готовит.

Рыбу она сунула в духовку, широко и свободно обернув фольгой; замаринованный кролик временно упокоился в толстостенном чугушке. Айну́р щедро сыпанула чечевицу, промыла, залила бульоном. Не успел бульон закипеть, она уже обжаривала в сковороде злой чеснок, отправляла к нему сельдерей, морковь, зачем-то кабачок («Не надо кабачок!» — мысленно вскричал Маевский, но его, конечно, никто не услышал, а если бы и услышал, то не послушал), а затем всё это соединилось в одной кастрюле и божественный дух поплыл по квартире.

— А что это ты в кухне, сударь мой? — удивился Гройс, появившись в дверях.

Маевскому у старика был отведен свой угол: комнатка размером с чулан. Некогда просторная квартира много лет назад была поделена на закутки. Новый владелец выкупил их и сшил лоскуты в целое, но анатомически неверное: квартира не приобрела прежнего вида. Просторные гостиная и спальня остались в компании прибавочных комнат, которые выглядели как недокормленные сироты при барине. Маевский до сих пор путался в их количестве. К тому же неумный старикан то и дело затевал перестановку, и гардеробная превращалась в кладовку, а кладовка — в библиотеку. «Сранный Хогвартс! — ругался про себя Маевский. — Слава богу, хоть лестниц вам не завезли».

— Супчика жду, — с кротким видом проговорил он.

Соврал, конечно. Смотреть, как Айну́р занимается обедом, было сродни медитации. Собственно, Маевский и сам кашеварил неплохо. Но Айну́р умела как-то договариваться со всеми этими кроликами, бараниной, креветками, рыбой, перловкой, мукой — словом, абсолютно